ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 168.522

В.А. Веселова
Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Н.В. Володина

ЕВРОПА VS. РОССИЯ В «БЫЛОМ И ДУМАХ» А.И. ГЕРЦЕНА

В статье анализируются особенности изображения оппозиции «Россия – Европа» в художественных мемуарах А.И. Герцена. Отношение повествователя к этим пространственным образам меняется, и это связано с новым общественным статусом Герцена – статусом эмигранта, а также со сменой ценностных ориентиров и эволюцией его мировоззренческих установок.

Россия, Европа, Запад, автобиографический герой, мемуары, пространственный образ.

The article analyses the features of representation of the opposition "Russia - Europe" in artistic memoirs of A. I. Herzen. The narrator's attitude to these spatial images changes according to Herzen's new social status - the emigrant status and the change of values and evolution of his world-outlook principles.

Europe, Russia, West, autobiographical character, memoirs, spatial image.

В 1840-е гг., связанные с расцветом деятельности западников и славянофилов, общее умонастроение Герцена было «книжным», «кружковым»; оно было основано на идеализации Европы и во многом связано с романизмом. Все ценности, которые представлялись проевропейски настроенному Герцену безусловными (уважение к закону, развитое правосознание, провозглашение свободной и развитой человеческой личности и т.д.), признавались им как «западные», «европейские».

С юности свобода человеческой личности становится для Герцена едва ли не самой важной из этих ценностей; и утверждение «свободы лица» представляет собой своеобразную константу всей его общественной, мыслительной и творческой деятельности. Мир другого человека автобиографическим героем «Былого и дум» воспринимается как наивысшая ценность. Так, трагедия 14 декабря 1825 г. для него во многом обусловлена тем, что в обществе, подавленном властью Николая I, утрачивается чувство личного достоинства: «Тон общества менялся наглазно; быстрое нравственное падение служило печальным доказательством, как мало развито было между русскими аристократами чувство личного достоинства» [2, с. 58 – 59]. В свободной Италии, как считал Герцен, «чувство личного достоинства и телесной неприкосновенности развито в каждом человеке, не только в факино, в почтальоне, но и в нищем, который протягивает руку» [4, с. 22].

Русскому человеку, по его мнению, подобное проявление чувства собственного достоинства незнакомо, потому что в России лицо подменяется чином и званием, а подлинный аристократизм – барством: «Аристократ – лицо, а наши – верные слуги престола – вовсе не имеют личности; они похожи на кремлевские медали с надписью: "Не нам, не нам, а имени твоему." К этому ведет целое воспитание: солдат думает, что его только потому нельзя быть палками, что у него аннинский крест, станционный смотритель ставит между ладонью путешественника и своей щекой офицерское звание, обиженный чиновник указывает на Станислава или Владимира – "не собой, не собой… а чином своим"» [4, с. 22]. «Не собой, а чином своим» – главный принцип взаимоотношений в русском обществе. Отношение русского человека к европейцу напоминает отношение к барину или начальнику, потому что ему свойственна внутренняя потребность в «нравственной табели о рангах» [4, с. 326]. В этом случае можно говорить о таком свойстве русского характера, как «провинциальность»; и провинциальность в художественных мемуарах Герцена является не только национальным свойством, но и пространственной характеристикой. Россия по отношению к Европе во многом представлена как провинция по отношению к столице.

На протяжении всего текста «Былого и дум» Россия противопоставляется Европе, как «свое» пространство – «чужому». При этом «свое» пространство воспринимается автобиографическим героем как «дикое», «неустроенное», провинциальное. Эти характеристики «русского» пространства предельно сконцентрированы в чрезвычайно пластичном образе России, который Герцен создает, обращаясь к своей родине из «дальней чужбины»: «Россия лежала безгласно, замертво, в синих пятнах, как несчастная баба у ног своего хозяина, избитая его тяжелыми кулаками» [4, с. 42]. «Чужое» пространство Герцен оценивает как «цивилизованное» и «организованное». «Провинциальность» русского человека особенно болезненно переживается Герценом, потому что он сам «никогда и ни в каком отношении не был провинциалом» [1, с. 513]. Приехав в Европу, он, при всей своей огромной жажде деятельности, намеренно старается не вступать в какие-либо политические или литературные кружки. Герцен намеренно не ищет никаких способов завязать новые знакомства

со знаменитыми европейцами, потому что ощущает некоторую снисходительность в обращении европейцев к русским. Не чувствуя за собой права общаться с европейцами на равных, он не желает принимать патронажа знаменитостей ни в какой форме. По этой причине Герцен демонстративно старается не сближаться с известным французским политиком и экономистом Прудоном (хотя и сожалеет об этом), которым еще в России восхищался наравне с Гегелем.

Автобиографический герой всегда испытывает некоторую неловкость за поведение своих соотечественников, которые преклоняются не просто перед «западными авторитетами», а перед всем (даже второстепенным или абсурдным), что так или иначе связано в их сознании с Европой: «Русские продолжали тогда жить в Париже с вечно присущим чувством сознания и благодарности провидению, что они живут в нем, гуляют в Palais Royal`e и ходят aux Français. Они откровенно поклонялись львам и львицам всех родов – знаменитым докторам и танцовщицам, зубному лекарю Дезирабоду, сумасшедшему “Мапа” и всем литературным шарлатанам и литературным фокусникам» [4, с. 326]. Таким образом, часто все внешние проявления русского человека, который в своем поведении стремится сблизиться с европейцем и продемонстрировать свою «европейскую» просвещенность и образованность, в реальности воспринимаются как проявления провинциальности. Так, в московском театре представители высших слоев русского общества ведут себя точно так же, как представители низших в Париже: «Проиграла увертюра и раз, и два – занавесь не подымалась; передние ряды, желая показать, что они знают *свой* Париж, начали шуметь так, как там шумят *задние*» [2, с. 50]. Привычки и манеры парижского простонародья воспринимаются русской аристократией, по мнению Герцена, как «европейские», подобно тому, как «произношение “гррра” и манер d`une dame de comptior»[1], в провинции часто по невежеству «принимаются за “хорошие” манеры» [2, с. 329].

В результате разочарования в результатах французской революции 1848 г. отношение автобиографического героя к Европе меняется. Теперь общественный порядок революционной Франции напоминает автобиографическому герою официальный общественный порядок в России в период царствования Николая I. Франция для Герцена становится воплощением принудительного порядка, казарменной дисциплины. В связи с этим в «Былом и думах» появляется целый ряд «сквозных» образов, которые ассоциативно связывают в сознании героя жизнь в николаевской России и жизнь в революционной Европе. Особенное «братственное» сходство мемуарист замечает между французской и русской полицией. Так, комиссар французской полиции, явившийся с обыском в дом Герцена, сразу напомнил ему полицмейстера Миллера, который когда-то обыскивал его дом в далеком 1834 г. Ситуация повторяется до деталей. Точно так же, как некогда жандармский офицер генерала Дубельта, он стал учтиво извиняться перед женой Герцена, прося снисхождения, перед тем, как приступить к обыску. Приехав в Европу, автобиографический герой ощущает такую же зависимость от абсурдной бюрократической системы, какую он прежде испытал на себе в России. «Где мои вятские товарищи по канцелярии Тюфяева, где Ардашов, писавший за присест по десяти листов? – Удивляется он. – Как сердце их должно возрадоваться, что в Париже после Бомарше, Ж. Санд и Гюго так пишут бумаги» [4, с. 142].

Подобные образы, в которых Герцен видит обычные реалии современной ему русской и европейской жизни, в мемуарах являются своего рода «образами-скрепами», которые позволяют читателю соотнести между собой «русскую» и «европейскую» части «Былого и дум». История политических гонений, которая началась для Герцена в России в 1840-е гг., теперь во Франции получает свое продолжение. Когда автобиографический герой видит в руках префекта французской полиции свое досье, он приходит выводу: «Это был второй том романа, первую часть которого я видел когда-то в руках Дубельта» [4, с. 146].

С этого момента все происходящее в европейских странах он характеризует одним словом: «мещанство». Мещанство для автора «Былого и дум» – это не только сословие, под которым принято понимать самый низший разряд городских жителей. По мнению Герцена, это внесословное явление, ставшее следствием революционных событий в современной ему Европе, некое общее качество, которое характеризует все стороны европейской жизни, как личной, так и общественной: «Закрыв страшную пропасть императорской мантией с пчелами, мещане-генералы, мещане-министры, мещане-банкиры кутят, наживают миллионы, теряют миллионы, ожидая Каменного гостя ликвидации.… Не легкая «козри» нужна им, а тяжелые оргии, бесцветное богатство, в котором золото, как в Первой империи, вытесняет искусство, лоретка – даму, биржевой игрок – литератора» [3, с. 155].

С процессом распада дружеских кружков и после отъезда ряда его представителей за границу, меняется отношение Герцена не только к Европе, но и к России. «Начавши с крика радости при переезде через границу, я окончил моим духовным возвращением на родину», – так пишет о своей мировоззренческой эволюции повествователь [4, с. 163]. Духовное возвращение на родину – процесс, характерный для человека, который находится в положении эмигранта. С одной стороны, этот процесс неизбежно связан с возрастающим чувством тоски по утраченной Родине, с другой – с впечатлениями, полученными в результате знакомства с «реальной» Европой, которая, как вдруг оказалась, не вполне соответствует его заранее сложившимся требованиям и ожиданиям. Многие представители русской интеллигенции видят некое «сакральное чудо-место, откуда можно взять готовый результат» [6, с. 25], и это сакральное чудо-место представляет собой умственный конструкт. «Европа нам нужна как идеал, как упрек, как благой

[1] Приказчицы.

пример; – пишет об этом сам Герцен, – если она не такая, ее надобно выдумать» [5, с. 33].

Молодые западники конструируют «идеальный образ запада для реальных нужд России» [8, с. 122]. По мнению Герцена, этот идеальный образ Европы, сконструированный представителями дружеского кружка, чрезвычайно наивен, так как он основан не на реальных наблюдениях и не живых впечатлениях, а исключительно на академических знаниях. «Мы, для утешения себя, хотим другой Европы и верим в нее, как христиане верят в рай. – Пишет он в мемуарах. – Мы вообще знаем Европу школьно, литературно, т.е. мы ее не знаем, а судим à livre ouvert, по книжкам и картинкам, так, как дети судят по “Orbis pictus” о настоящем мире, воображая, что все женщины на Сандвичевых островах держат руки над головой с какими-то бубнами, и что где есть голый негр, там непременно, в пяти шагах от него стоит лев с растрепанной гривой или тигр с злыми глазами» [4, с. 124].

После разочарования в Европе Герцен точно так же «выдумывает» Россию и приходит к выводу, что «разумное и свободное развитие русского народного быта совпадает со стремлениями западного социализма» [5, с. 151]. Таким образом, в то время как усиливается разочарование автобиографического героя в Европе, все больше укрепляется его вера в духовный потенциал России. Однако теперь Россия так же далека от него, как когда-то Европа. В пятой части «Былого и дум» мемуарист признается: «<…>по мере того как я утрачивал все надежды на романо-германскую Европу, вера в Россию снова возрождалась, но думать о возвращении при Николае было бы безумием». [4, с. 163]. Таким образом, Герцен ищет свой общественный идеал сначала в Европе, затем – в России, и этот идеал снова отдален от него топографически. В 1840-е гг. поездка в Европу для Герцена было невозможна, однако он мог надеяться на путешествие. Теперь статус эмигранта лишил его возможности даже мечтать о возвращении на Родину. Положение эмигранта обусловливает одну из главных особенностей изображения Европы в «Былом и думах».

Европа в художественных мемуарах Герцена, как правило, лишена конкретных топографических описаний. На страницах мемуаров нет ни описаний архитектурного облика европейских городов, по которым путешествует Герцен, ни памятников истории и искусства, которые всегда привлекали русских путешественников. Воспоминания современников свидетельствуют о том, что Герцен был прекрасным знатоком европейской истории и искусства. «Однажды он пригласил нас в картинную галерею Лувра, – вспоминает Татьяна Пассек, – там он остановился перед картинами, которые обратили на себя его особенное внимание, громко делал какие-то оригинально-острые замечания, что мало-помалу около нас стала собираться толпа. Среди которой слышались, то восклицания одобрения, то мелькали улыбки; толпа постепенно росла, следом ходила за нами с видимым ожиданием еще большего удовольствия и, наконец, так увеличилась, что мы принуждены были удалиться из Лувра [7, с. 59]. Однако для решения собственных задач мемуаристу все эти разнообразные сведения о европейских странах, по которым он путешествует, оказываются ненужными. В каждом конкретном случае при описании той или иной страны возникает индивидуальный и художественно-неповторимый образ, но все эти национальные образы (Франции, Англии, Италии и т.д.) имеют в большей мере символический, чем конкретный географический и культурно-исторический характер.

Так, Париж, как его изображает Герцен, – это город постоянных общественных возмущений. Париж в «Былом и думах» предстает городом, утратившим свою национальную самобытность, «каким-то сводным городом всего света». Это «город-Вавилон», «мировой отель», «караван-сарай» [4, с. 163]. Он всегда многолюден, многонационален, и всегда оживлен. В Париже автобиографический герой как будто против собственной воли оказывается вовлеченным в самый эпицентр общественно-политических событий: сначала принимает участие в издании журнала, заведомо бессмысленного и обреченного на гибель, затем – таком же бессмысленном восстании, которое он прямо называет глупым и иронически называет «жнитвом лавр». Свободная Америка представляется ему некой «страной забвения Родины», и в нее должны ехать те, «которые не имеют веры в свое отечество» [4, с. 163]. Умнейшие, по словам Герцена, эмигранты, выехавшие из Франции в Швейцарию после событий 1848 г., сразу уезжали в Америку, как только догадывались, что эмиграция – не временное состояние. Америка идеальна для того, чтобы начать жизнь с чистого листа, однако человек, избравший местом жительства Америку, должен забыть и самого себя, свои прежние мечты и идеалы. Деятель итальянского революционного движения Гарибальди, рассуждая о судьбах европейских эмигрантов, говорит о жизни Америке, как о самой благополучной, но при этом худшей из них: «Что теперь делать в Европе? Привыкать к рабству, изменять себе или в Англии ходить по миру. Поселиться в Америке еще хуже: это конец, это страна «забвения родины», это новое отечество, там другие интересы, все другое; люди, остающиеся в Америке, выпадают из рядов» [4, с. 73].

В некоторых случаях образ создается с помощью ряда символических деталей, связанных с изображением природы. Не случайно постоянным спутником Герцена в Лондоне становится тяжелый дымчатый туман. «Лондонские туманы» – так называется первая глава шестой части «Былого и дум», которой открывается описание жизни Герцена в лондонской эмиграции. Автобиографический герой живет в лондонском предместье, «отдаленный от всего мира далью, туманом и своей волей» [2, с. 10]. Образ тумана в мемуарах становится символом абсурдности всего современного порядка вещей, а также символом глубокого одиночества, отшельничества и бесприютности. Туман отдаляет автобиографического героя от остальных людей и препятствует любому сближению с ними: «Чужая порода людей кишит, мятется около меня, объятая тяжелым дыханьем океана, –

мир, распускающийся в хаос, теряющийся в тумане, в котором очертания смутились, в котором огонь делает только тусклые пятна» [4, с. 27]. Когда автобиографический герой видит суетящихся возле него людей, он смотрит на них как будто сквозь туман, и они кажутся ему безликими тенями. Герцен вспоминает свои одинокие прогулки по полупустому вечернему Лондону (а гулял он всегда один), когда он бродил «по его каменным просекам, не видя иной раз ни на шаг вперед от сплошного опалового тумана и толкаясь с какими-то бегущими тенями» [5, с. 11].

Ярким контрастом по отношению к Лондону в «Былом и думах» представлена Италия. Лондон с его вечным туманом связан для Герцена с временным планом настоящего, с временным планом «теперь»: «И теперь я сижу в Лондоне, куда меня случайно забросило…» [4, с. 27]. С помощью образа Италии мемуарист описывает свои мысли и чувства, связанные с временным планом «тогда». Эта страна связана с прошлым автобиографического героя, т.е. с его жизнью до того момента, когда разрушились надежды на европейскую революцию, и с его жизнью до того, как разбился семейный очаг: «… А *та* страна, обмытая темно-синим морем, накрытая темно-синим небом… Она одна осталась светлой полосой – по ту сторону кладбища» [4, с. 27].

Символический образ тумана постоянно сопровождает описание лондонской жизни Герцена. Точно так же образ моря и высокого южного неба возникает во всех случаях, когда речь идет об Италии. Дымчатый туман, мрачные деревья лондонских парков и длинные однообразные ряды уличных фонарей особенно уныло воспринимаются на фоне воспоминаний о ярких красках этой солнечной страны. В «Былом и думах» Италия становится воплощением идеальной гармонии и безоблачного счастья. Это страна-мечта и страна-идиллия. Именно в Италии, в Турине, состоялась памятная встреча Герцена и Natalie в день их «святого примиренья» [4, с. 275]. Не случайно когда Герцен описывает какой-нибудь из дней, проведенных в одном из итальянских городов (Рим, Милан, Турин), как правило, это описание сопровождается характеристикой «Santo dio» – святой день. Именно Италии возле моря, среди виноградников роз и померанцевых деревьев Герцен может сказать «Мы дома» [4, с. 274]. С Италией у автобиографического героя сохраняется глубокая сердечная связь. Однако Италия – это и символ всего того, что навсегда осталось в прошлом, символ утраченного, поэтому возвращение его в Италию невозможно, как невозможно возвращение к прежней счастливой жизни. С Италией для Герцена связаны последние дни веры в торжество революционных идеалов в Европе. Италия в мемуарах Герцена – это не только страна-мечта и страна-идиллия, но и страна-иллюзия, страна-сон (время, с которого начинается его разочарование в событиях 1848 г., охарактеризовано в «Былом и думах» как «пробуждение» или как «отрезвление»). Последними днями жизни Герцена в Риме «заключается светлая часть воспоминаний, начавшихся <…> с отроческого обручения на Воробьевых горах» [4, с. 26].

Таким образом, в «Былом и думах» А.И. Герцена возникает оппозиция «Европа – Россия». Пространственные характеристики этих образов приобретают в мемуарах хронотопическое и аксеологическое значение.

Литература

1. *Айхенвальд, Ю.* Герцен / Ю. Айхенвальд //Силуэты русских писателей. – М., 1994.

2. *Герцен, А.И.* Былое и думы / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. – М., 1956. – Т. 8.

3. *Герцен, А.И.* Былое и думы / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. – М., 1956. – Т. 9.

4. *Герцен, А.И.* Былое и думы / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. – М., 1956. – Т. 10.

5. *Герцен, А.И.* Былое и думы / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. – М., 1956. – Т. 11.

6. *Кантор, В.К.* Западничество как проблема русского пути / В.К. Кантор // Вопросы философии. – 1993. – № 4. – С. 25 – 114.

7. *Пассек, Т.П.* Из дальних лет / Т.П. Пасек // Герцен в воспоминаниях современников. – М., 1956. – С. 55 – 76.

8. *Щукин, В.Г.* Русское западничество. Генезис. Сущность. Историческая роль / В.Г. Щукин. – Лодзи, 2001.

УДК 811.161.1

В.Г. Дидковская

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

Фразеологические сочетания рассмотрены в сопоставлении с аналитическими конструкциями. Выбор между устойчивым сочетанием и классическим предикатом в предложении обусловлен коммуникативными стратегиями говорящего.

Аналитическая форма, фразеологическое сочетание, синтаксема, предикат, предложение.

Phraseological combinations are considered in comparison with analytical constructions. The choice among the sustainable combination and the classical predicate in the sentence depends on the communicative strategies of the speaker.

Analytical form, phraseological combination, sintaxema, predicate, sentence.

Вопрос об аналитических формам (конструкциях) в грамматике принадлежит к числу сложнейших и связан с определением их места в системе грамматических единиц (морфологические формы – синтак-